

Марина Сорокина

НИКОЛАЙ КОНРАД: ЖИЗНЬ МЕЖДУ ЗАПАДОМ И ВОСТОКОМ

От.: М.Ю.Сорокина. Николай Конрад: жизнь между Западом и Востоком // Трагические судьбы: репрессированные ученые Академии наук СССР. М.: Наука, 1995, с.128-143.

22 сентября 1941 г. член-корреспондент АН СССР, востоковед Николай Иосифович Конрад направил письмо академику В.Л.Комарову: "Глубокоуважаемый Владимир Леонтьевич! Считаю своим долгом сообщить Вам как своему Президенту [АН СССР. – М.С.], что 6-го сего сентября я освобожден с прекращением дела. Таким образом, моя всегдашняя уверенность в том, что истина в конечном счете должна восторжествовать, полностью оправдалась"¹.

Прошло чуть больше трех лет с того момента, как 28 июля 1938 г. Н.И.Конрад, в то время уже в течение многих лет профессор ЛГУ и Ленинградского Восточного института (ЛВИ), заведующий японо-корейским кабинетом Института востоковедения АН СССР (ИВАН), был арестован в Ленинграде по ложному обвинению. "Меня взяли прямо из-за стола", – вспоминал ученый в одном из писем 60-х годов².

Арестом Конрада замыкалась одна из бесчисленных цепочек арестов "по специальности", когда вычищались целые научные учреждения – от дворника до директора института, от аспиранта до члена-корреспондента. Такой участи подвергся и Институт востоковедения – бывший Азиатский музей, гордость отечественной науки, где концентрация специалистов мирового уровня была едва ли не наибольшей во всей академии³. Сегодня то, что произошло с востоковедением в 30-е годы, признано катастрофой⁴. Не большой потерей, утратой, а именно катастрофой, ибо было уничтожено почти все младшее поколение восточников – тот слой, который олицетворял собой преемственность в науке и без которого она не могла столь же плодотворно развиваться.

Н.И.Конраду удалось уцелеть и прожить большую жизнь в науке. Самый первый, поверхностный взгляд на его биографию отмечает спокойность и традиционность научной карьеры – доктор филологических наук, профессор, член-корреспондент, а затем и действительный член АН СССР, основатель и глава советской школы японистики, автор многочисленных книг и статей, не обойденных вниманием советской и зарубежной прессы, наконец, лауреат Государственной премии СССР⁵. Все эти атрибуты, свидетельствующие об официальном признании заслуг Конрада, создают статичный образ академического ученого, "сумевшего" благополучно миновать кровавые рифы сталинских времен.

Однако прикосновение к различным документам⁶, рассказы современников – друзей, коллег, учеников – свидетельствуют о трудном, не лишенном противоречий и драм, жизненном пути человека, чья судьба – это часть истории духовных взлетов и падений, прозрений и ошибок, борьбы и примирения того поколения российской интеллигенции, на долю которого выпало труднейшее испытание – испытание жизнью на переломе, а точнее, на сломе, эпох, культур, систем.

Н.И. Конрад родился 1 (13) марта 1891 г. в Риге. Его отец, инженер-железнодорожник, происходил из латышских немцев, мать – из семьи священника Орловской губернии. Брак лютеранина (затем перешедшего в православие) и православной, людей разных национальностей и социального положения, как бы генетически закрепил особую

предрасположенность Конрада к глубинному, сущностному пониманию единства человечества, единства народов и вер⁷. Его брат, Иван Иосифович, продолжил семейную традицию, стал священником и погиб в годы сталинских репрессий. А сам Николай Иосифович, закончив в 1908 г. николаевскую гимназию, избрал другой путь – он поступил на китайско-японское отделение факультета восточных языков Петербургского университета. В отличие от востоковедов старшего поколения – С.Ф.Ольденбурга, И.Ю.Крачковского и др. – людей прежде всего "книжной культуры", для Конрада, по его собственному признанию, выбор специальности был продиктован теми социально-политическими коллизиями, которые потрясли в те годы жизнь Российской империи, – русско-японской войной 1904–1905 гг., военными событиями в Маньчжурии и т.п.⁸ Так с первых шагов, иной социальный контекст действительности обусловил большую "лояльность" и заинтересованность Конрада в востоковедной проблематике нового и новейшего времени.

Не довольствуясь занятиями только на восточном факультете, он одновременно слушает лекции и на историко-филологическом, в аудиториях которого не раз встречал Б.Томашевского и Ю.Оксмана, Е.Поливанова и Ю.Тынянова, М.Бахтина и В.Жирмунского, Б.Эйхенбаума и В.Шкловского – всех тех, кто в ближайшем будущем выступит реформаторами филологии и литературоведения. Люди разных мировоззрений, политических симпатий и общественных взглядов, все они остро ощущали своеобразный методологический кризис в гуманитарных науках. Один из выходов виделся в создании "широких синтетических обобщений в области философских, эстетических и культурно-исторических проблем" (В.Жирмунский). Востоковеды, сам предмет исследования которых требовал многолетнего скрупулезного, детального анализа текстов, как правило, весьма осторожно относились к перспективе "глобальных" построений и выводов, но и в их среде стали постепенно появляться работы сравнительно-исторического характера, направленные в первую очередь на преодоление "европоцентризма", господствовавшего в научной литературе.

Другое направление развития ориенталистики в России было связано со все более увеличивающейся потребностью страны в прикладном аспекте востоковедения, а именно – в подготовке специалистов со знаниями "живых" восточных языков. Отчасти эту задачу выполняла Практическая восточная академия, которую параллельно с университетом в 1912 г. закончил и Конрад. «И тут вмешался тот самый "случай"... а может быть, – и "судьба", – вспоминал ученый. – Русско-японское общество – полуофициальное, полуообщественное учреждение – решило послать в Японию для изучения этой страны двух "подающих надежды" молодых людей из числа окончивших факультет». Всего несколько месяцев провел Конрад в Японии в 1912 г.; в июле 1914 г. он снова отправился туда, полагая, что пробудет летние месяцы. Но возвращение последовало только через 3 года – в июле 1917 г.: "...Трехлетнее пребывание в Японии с периодическими поездками в Корею и один раз – в Китай, и стало ... периодом новой и на этот раз подлинной востоковедной учебы... Осенью 1917 г. я сдал магистерский экзамен, открывший мне путь к преподаванию в университете"⁹.

Однако революционные события существенно изменили планы – "история наша сделала такой бросок, что между вчерашним и нынешним оказалась какая-то пустота, психологически болезненная, как раскрытая рана" (В.Ходасевич)¹⁰. Этой "раной" был "отмечен" почти каждый русский интеллигент, вынужденный определять свое отношение к Октябрю и установившейся власти. Как и многие другие молодые ученые, Конрад не имел четких политических пристрастий; весной 1917 г. он писал в Японию Н.А.Невскому о своем "милюковствующем и кадетствующем" сердце, а к осени уже склонялся к политической линии эсеров. Направление его политической эволюции почти точно

совпадало с изменениями общественных настроений значительной части петербургской интеллигенции летом-осенью 1917 г. И это вполне понятно, ибо всевозможные партийно-политические коллизии затрагивали душу ученого "постольку-поскольку". В сентябре 1917 г. он утверждал: «По-прежнему готов подписаться под своим заявлением Попову: "мне гораздо важнее вопрос о даосском влиянии на японские пенго, чем экономическая будущность России и Японии"»¹². Некоторая полемическая заостренность этого заявления очевидна: она отражала мучительную раздвоенность личности, пытавшейся согласовать или преодолеть в себе "вечную" для науки проблему участия или неучастия в общественной жизни. Напряженная внутренняя работа мысли подсказала выход: «Верьте в Россию. Я всегда верил в чудо, верю и теперь – и оно спасет нас. Слушайте: я уже успокоился за месяц своего пребывания в столице, в этом пекле и котле всего, что делается в мире, – я сумел отделаться от той психологии "испуганных интеллигентов", которые наполняют у нас улицы, трамваи etc. и которые являются самым пакостным, самым ужасным, самым печальным из всего того, что имеется у нас сейчас в России, ужаснее разнузданных солдат, удушья провокации и шпионства, ужаснее наступающих германских полчищ. Почему? Сейчас скажу: потому что это все последнее было и есть, но пройдет, это все то, что обречено разрушать и раздражаться, а ведь никто, как в конце концов, идейная интеллигенция будет творить. И если в ней эти творческие элементы иссякнут, конец»¹². И отсюда следовал жизненноважный и определяющий вывод: "Мы теперь живем в стадии творчества, творчества не только государственной жизни, но и личного индивидуального бытия, поскольку оно теснейшим образом связано с государством. И вот в этом творческом процессе необходимо если участвовать и не активно, то мыслью, ибо в конце концов она одна творит действенное..."¹³

Не только "мыслью" стал участвовать Конрад в новой жизни. Вместе с Е.Д.Поливановым он тесно связан с Китайским Советом рабочих депутатов в Петрограде, а в начале 1918 г. по поручению НКВД, возглавлявшегося тогда Л.Д.Троцким, перевел на японский язык "Обращение к народам Востока" и "Обращение к трудящимся и угнетенным всего мира". Впрочем, "альянс" с НКВД продолжался недолго: после ухода Троцкого и назначения наркомом Г.В.Чичерина, комиссариат покинул Поливанов, находившийся в ближайшем окружении первого наркома иностранных дел; вместе с ним закончил свое сотрудничество с НКВД и Конрад.

Нестабильность политической жизни Петрограда, трудности материального характера, а возможно, и какие-то несложившиеся отношения в университетской среде, заставили ученого уехать в конце лета 1918 г. в Орел, где жили его родители. Здесь он начинает педагогическую работу в Пролетарском университете, становится его ректором, и здесь же, в 1921 г., выходит вторая (после статьи о начальной школе Японии 1913 г.) серьезная научная работа япониста – перевод и комментарии к японскому литературному памятнику XIII в. "Записки из кельи" Камо-но Тёмея.

И все-таки орловский период Конрада примечателен прежде всего продолжением тех духовных связей и исканий, тех историко-философских раздумий, истоки которых – в дооктябрьском времени. В архиве ученого сохранились планы и конспекты лекций, прочитанных в Орловском университете, – "Этническая психология", "История культуры", "История философии", "Кризис буржуазной культуры", "История христианства" и др. – темы, довольно далеко стоящие от его прямой специальности – японистики, но тесно связанные с теми проблемами, которыми жила гуманитарная интеллигенция Петербурга – Петрограда первой четверти XX в. Еще в студенческие годы Конрад познакомился с М.М.Бахтиным, затем их контакты продолжились в рамках так называемой "невельской школы" (М.И.Каган, Л.В.Пумпянский, М.В.Юдина и др.) и, наконец, в 1921 г. "под крышей" Орловского университета Бахтин, Каган и Конрад

встретились вновь¹⁴. По-видимому, вышеназванные лекции востоковеда – один из результатов его общения с ними; одновременно они как бы фиксируют начало устойчивого и пристального интереса ученого к проблемам культурологического характера, приведшего его в 50–60-е годы к концепции гуманизма как основного фактора общественного прогресса, столь ярко воплощенной в книге "Запад и Восток" (М., 1966).

Летом 1921 г. "реформирование" системы высшего образования затронуло и Орловский университет, превратив его в обыкновенный педагогический институт, а его бывший ректор летом 1922 г. оказался в Петрограде, где начал преподавание в университете и Институте живых восточных языков.

Возвратившись в Петроград, Конрад сразу же попал в водоворот научной жизни, атмосфера творческого горения в которой не могла ему не imponировать, и он "с головой" уходит в активную работу. Круг интересов Конрада в эти годы чрезвычайно широк: он занимается японской филологией, историей, театром. Последний особенно привлекает ученого – он читает лекции по истории японского театра в знаменитом "Зубовском" институте – Институте истории искусств на Исаакиевской площади. Казалось, что биография Конрада-ученого развивается по традиционному пути: профессура, ученики, лекции, издание трудов, зарубежные поездки (Япония, 1927 г.)...

Однако уже к моменту появления Конрада в Петрограде обстановка в востоковедении была сложной и неоднозначной.

«Это был тогда, – вспоминал о петроградской ориенталистике середины 20-х годов Б. Филиппов, – очень замкнутый, очень своеобразный мирок, еще никак не разбавленный пришельцами из кругов марксизма-ленинизма. Были, правда, и тогда такие "востоковеды", как некий старый коммунист Павлович-Вельтман, ни одного восточного языка не знавшие, ни одной путной книжки, кроме брошюр Маркса и Ленина, не читавшие, но издававшие пухлые томищи об империализме и освободительных движениях на Востоке. Они же в качестве советских эмиссаров и поджигали эти самые "освободительные движения" с двух сторон – и со стороны, скажем, мусульманского или индуистского фанатизма и национализма, и со стороны движения угнетенных масс».

К этим новоявленным ориенталистам питерские востоковеды относились с глубочайшим презрением: "Уж эти москвичи..."¹⁵ Положение московского востоковедения, значительно более скромного по масштабу и глубине исследований, чем петербургское, кардинально изменилось после переезда в Москву советского правительства. Оно стало "столичным", получило дополнительное финансирование и возможности расширения своей деятельности. Исторически сложившееся преимущественно как прикладная дисциплина, оно получило двойной социальный заказ от новой власти. Во-первых, как своеобразный форпост противостояния питерской интеллигенции, а во-вторых, как база для создания новой, огосударственной и политизированной, советской востоковедной науки, развивающейся в совершенно определенном, нужном для власти направлении. Последнее было особенно важным.

Почти сразу после подавления революционного движения в Германии и Венгрии, когда столь ожидаемая всемирная революция явно откладывалась на неопределенный срок, а коммунистическое движение в странах Западной Европы столь же явно не оправдывало возлагаемых на него надежд, часть большевистских лидеров обратила свои взоры к Востоку. Именно он – революционный Восток – был призван в глазах многих стать тем очагом, который позволит сильнее разжечь огонь мировой революции и тем самым воплотить мечту пролетариата. Еще в августе 1919 г. нарком по военным делам

Л.Д.Троцкий направил в ЦК РКП(б) меморандум с пометкой "секретно", в котором обосновывал необходимость изменения направления международной ориентации партии: "Путь на Париж и Лондон лежит через города Афганистана, Пенджаба и Бенгалии". Новые задачи он понимал следующим образом – "нарушить неустойчивое равновесие азиатских отношений колониальной зависимости, дать прямой толчок восстанию угнетенных масс и обеспечить победу такого восстания в Азии...". Для этого предусматривались и вполне конкретные меры: "Нужно уже сейчас приступить к более серьезной организации... к сосредоточению необходимых сил, лингвистов, переводчиков книг, привлечению туземных революционеров – всеми доступными нам средствами и способами"¹⁶.

Идеи Троцкого были практически полностью реализованы в структуре московского востоковедения. Справедливости ради надо отметить, что к этому подталкивала не только партийно-революционная необходимость, но и объективно весьма существенные, для Советской республики проблемы огромных восточных регионов страны.

Неизбежность развития "прикладного" востоковедения хорошо понимали многие академические ученые, часть которых стала инициатором создания в начале века Практической восточной академии. Непременный секретарь Академии наук, индолог С.Ф.Ольденбург постоянно выступал поборником идеи "компромиссного" востоковедения, т.е. объединения на равных правах классического и социально-экономического направлений ориенталистики. Однако многие маститые востоковеды отказывались от такой постановки вопроса, выступая за абсолютную "чистоту" науки. Так, еще в дореволюционные годы наметился мучительный процесс раскола между ведущими специалистами классической ориенталистики, сосредоточенной преимущественно в Петербурге-Петрограде-Ленинграде, и той большой группой молодых, начинающих, в основном московских, востоковедов, чьи интересы были связаны исключительно с изучением современной им экономической и политической обстановки на Востоке. "Социальный заказ" новой власти, сменивший социальное призвание самой науки (Н.Бердяев), чудовищно обострил и деформировал эту ситуацию, придав ей трагическую окраску.

Столь длинный экскурс в историю понадобился нам для того, чтобы обозначить те общие условия, в которых пришлось работать Н.И.Конраду, стороннику "компромисса" в востоковедении, в 20–30-е годы. К ним добавлялось еще одно, специфическое именно для исследователя Японии. Японистика была одной из самых молодых востоковедных дисциплин, все в ней – школы, кадры, учебники и т.п. – только начиналось. А Конрад оказался фактически единственным (не возвратились в Россию С.Г.Елисеев, О.О.Плетнер, Н.А.Невский; последний вернулся в 1929 г.) высококвалифицированным специалистом в этой области и, естественно, что "спрос" на него был значительно больше, чем на кого бы то ни было из ученых других дисциплин. Силою обстоятельств самой жизни он оказался в положении своеобразного раздвоения – участвуя в работе "старых" и "новых" востоковедных учреждений. Впрочем, в полном соответствии с логикой тезиса об усилении классовой борьбы последние все более и более поглощали, заменяли или вытесняли первых. Так, например, некоторое время, с 1922 по 1925 г., одновременно существовали журналы "Восток" и "Новый Восток". Вполне естественно и закономерно, что первый из них вышел только в пяти номерах, а второй продержался до 1929 г. – года "великого перелома", когда многие из тех, кто ранее торжествовал победу над "Востоком", сами оказались подвергнуты травле или преследованиям. Оказавшись к концу 20-х годов недостаточно "радикальным", "Новый Восток" был, в свою очередь, заменен "Революционным Востоком". Так устанавливалась монополия на истину в периодических изданиях.

Аналогичное положение наблюдалось и в постоянной "конкуренции" ленинградского и московского восточных институтов и даже в соперничестве общественных организаций, объединявших востоковедов (Коллегия востоковедов – Всесоюзная научная ассоциация востоковедов – Научно-исследовательская ассоциация Коммунистического университета трудящихся Востока).

Одновременно шла волна критики ведущих академиков-востоковедов, часто переходившая в откровенную травлю. Достаточно вспомнить некоторые "вехи" этой кампании. 1922–1923 гг.: полугодовой арест и предполагаемая ссылка арабиста И.Ю.Крачковского, неоднократные задержки и отказы в выдаче ему заграничного паспорта, всякий раз благополучно завершавшиеся лишь благодаря "дипломатии" С.Ф.Ольденбурга, которому удавалось добиться положительного решения о выезде Крачковского за границу лишь ценой угрозы своей отставки.

Не менее сложная ситуация складывалась и вокруг китаиста, акад. В.М.Алексеева. 29 марта 1929 г. в университетской "Студенческой правде" появилась статья "Дела китайские", направленная против Алексеева и его подхода к преподаванию. В частности, недоумение у авторов статьи вызывало "благосклонное", с их точки зрения, отношение Алексеева к студентке Л.Д.Позднеевой – дочери известного востоковеда, одного из учителей Конрада, проф. Д.М.Позднеева. Помимо унижительных "объяснений", статья имела одним из ближайших следствий отказ синологу в командировке для чтения лекций в Германии – на письме С.Ф.Ольденбурга Н.П.Горбунову, управделами СНК СССР, с просьбой о такой поездке, появилась характерная резолюция Е.П.Воронова, курировавшего дела АН в СНК: "Алексеев – реакционер и настроен резко антисоветски. Я против его команд[иров]ки, т.к. если он там и не останется, то будет все же давать провокац[ионную] информацию о Союзе"¹⁷. Соседствующие рядом резолюции Г.М.Кржижановского, председателя Госплана СССР, и М.Н.Покровского, заместителя наркома просвещения и председателя Президиума Комакадемии, не оставляют сомнений в полной идентичности их мнений с решением Воронова. И все последующие годы Алексеева не оставляли в покое. Апогея антиалексеевская кампания достигла в 1937–1938 гг., когда его "реакционно-буржуазные установки" рассматривались и на активе Академии наук в мае 1937 г., и на заседании ее Президиума в июне того же года. А уж после появления 31 мая 1938 г. в "Правде" статьи "Лжеученый в звании советского академика", подписанной ученым секретарем ИВАН Х.Муратовым и М.Буровым, все лето 1938 г. прошло в бесконечных обсуждениях и осуждениях, что, впрочем, не помешало всего через 7 лет – в 1945 г. наградить акад. В.М.Алексеева орденом Ленина "за большие достижения в науке".

Как в случае с Алексеевым, так и в других ситуациях метод решения всех проблем у нападавшей стороны был прост и незамысловат – апелляция к высшим партийным властям. В 1929 г., когда в очередной раз был поднят вопрос о слиянии учебных востоковедных вузов Москвы и Ленинграда в единый центр, комфракция Ленинградского восточного института направила докладную записку в Комиссию ЦК ВКП(б), возглавлявшуюся новым наркомом просвещения А.С.Бубновым, с изложением своей точки зрения, а именно за создание такого центра в Москве. Можно было бы принять такой подход за выражение своего партийного мнения и долга, если бы не одна деталь, превращающая подобного рода бумаги в разновидность доноса: в записке была проведена четкая "классификация" преподавателей института по принципу, уже хорошо апробированному в литературе на "попутчиках" – кто не с нами, тот против нас, что подытоживалось выводом о нецелесообразности востоковедного вуза в Ленинграде – "цитадели идеалистической профессуры". По этой "классификации" Конрад попал в категорию "чуждых"¹⁸.

О том, чем грозили такие "ярлыки", Конрад мог догадываться. После возвращения в Ленинград из Витебска М.М.Бахтина, возобновил свою работу "кантовский кружок", среди членов которого, помимо Конрада, были буддолог М.И.Тубьянский, переводчик А.Франковский, литературовед Б.Энгельгардт, геолог Б.Залесский и др. Конец кружка, явившегося по сути продолжением "невельской школы", был предопределен всем развитием политических событий 1928–1929 гг. Арестованный на Рождество 1929 г. по пресловутому "делу Академии наук", Бахтин получил 5 лет Соловков, замененные позднее тем же сроком ссылки в Кустанай. Не мог не знать Конрад и об арестах членов кружка А.Мейера, в том числе известного востоковеда Н.В.Пигулевской, и о многих и многих других гонениях на ленинградскую интеллигенцию.

Думается, что именно эти события вызвали, с одной стороны, некоторую паузу в научной работе Конрада в 1930–1931 гг., а с другой – подтолкнули его к решительному шагу, знаменовавшему совершенно определенное изменение тематики его научных исследований – теперь в них все чаще мелькает проблематика нового и даже новейшего времени. А в сентябре 1933 г. в газете "За социалистическую науку" появляется статья ученого под красноречивым названием "Я не мыслю своей работы без участия коммунистов". Что это – попытка отвести беду от своего дома или сознательный конформизм? Можно по-разному отвечать на этот вопрос, но взгляд из 90-х годов, обладающий большим преимуществом ретроспективного видения, вряд ли сможет в полной мере различить все оттенки внутренней, душевной драмы ученого. "Вечный вопрос о Конформизме" (Н.Бердяев) не имеет, пожалуй, однозначного ответа, ибо разрешается каждым поколением заново, с высоты своего опыта и своих этических установок, меняющихся в историческом времени весьма основательно.

Во всяком случае, когда всего через два года в японистике разразилась настоящая "гроза", позиция Конрада была тверда и определена. В ноябрьском номере журнала "Литература национальностей СССР" за 1935 г. была опубликована рецензия Н.П.Мацокина на вышедший в 1934 г. "Учебник японского языка" П.Гущо и Г.Горбштейна. Учебник квалифицировался в рецензии как собрание терминологического хлама, а авторы обвинялись в протаскивании японского национализма, пособничестве британскому империализму и даже в насаждении феодализма в советской науке! Обвинения вполне в духе времени! Но вот ответ, напечатанный в "Библиографии Востока" – органе Института востоковедения, – подписанный 37 ведущими японистами страны, почти беспрецедентен. "Наш протест, – писали ученые (среди них Н.И.Конрад, Н.А.Невский, Е.М.Колпакчи, А.Е.Глускина и др.), – направлен против рецензии Н.П.Мацокина как таковой, поскольку она направлена по существу против всего советского японоведения... эта рецензия как по своему содержанию, так и по тону стоит полностью вне приемов научной критики"¹⁹. Отвергая "жанр" политической рецензии на научно-учебное издание, японисты тем самым выражали свое отношение к подобному стилю ведения "полемики", к системе навешивания политических ярлыков, господствовавшей в обществе, и... фактически подписывали себе приговор...

Аресты 1936–1937 гг. захватили практически все научные академические учреждения Ленинграда: БАН, типографию, издательство, институты истории, философии, языка и мышления, истории материальной культуры, государства и права, Главную астрономическую обсерваторию и т.д. Особенно тяжело за эти два года пострадал Институт востоковедения, где были репрессированы А.И.Востриков, Ю.К.Щуцкий, Ц.Ж.Жамцарано, Н.А.Невский, А.Ф.Искандеров, М.С.Троицкий, П.Е.Скачков, Д.П.Жуков, М.И.Тубьянский, Б.А.Васильев и многие другие²⁰. Кульминацией стал арест в октябре 1937 г. директора института акад. А.Н.Самойловича. Впрочем, на этом не успокоились. Активно продолжал собирать компрометирующий материал на ведущих сотрудников

ИВАН его ученый секретарь Х. Муратов, свежеепеченный выпускник Ленининститута красной профессуры. Еще в 1932 г. акад. В.И.Вернадский записал в дневнике: "Крач[ковский] нарисовал картину полного разгр[ома] ориенталистики. Уже русская ориент[алистика] – провинция. Потеряла то значение, какое имела. Идут на смену совсем ничтожные, невежественные, но этого непонимающие, болтуны и дельцы. Умеют критиковать – делать ссылки, но не положительно научно работать"²¹. Именно эти люди, "научные работники" по званию, целенаправленно и последовательно занимавшие в ИВАН ступеньки административной иерархии, готовили уничтожение лучших специалистов института.

Столь же тяжелая обстановка сложилась и в Ленинградском Восточном институте, где Н.И.Конрад возглавлял кафедру японского языка с 1922 г. ЛВИ, ориентированный на подготовку преимущественно специалистов-практиков, имел большую специфику в своей работе. В отличие от Московского института востоковедения его выпускники после окончания занимали, как правило, достаточно высокое служебное положение в таких идеологически важных организациях, как Коминтерн, Профинтерн, КИМ, НКВД и т.п. Кроме того, наличие в институте с 1934 г. особого (японского) сектора, готовившего кадры для НКВД, создавало для преподавателей иллюзию относительной безопасности – "нужности" для органов и в то же время еще более усиливало нервозность, ибо каждое "неудачное" слово могло стоить жизни...

Осенью 1937 – весной 1938 г. институт был подвергнут реорганизации, но это его не спасло. 21 июня 1938 г. нарком просвещения РСФСР П.А.Тюркин подписал приказ о ликвидации ЛВИ – тем самым сбывалась "мечта" многих нуворишей от востоковедения об одном институте в Москве.

Вот в такой крайне накаленной обстановке 28 июля 1938 г. Н.И.Конрад был арестован. Всего через полтора месяца, не дожидаясь решения судебных органов, 5 сентября 1938 г., он был исключен из состава научных сотрудников ИВАН. Ученый, представлявший собой редчайшее сочетание в одном лице япониста и синоведа, руководитель группы по составлению столь необходимого в тот момент стране японо-русского словаря, оказался совершенно ненужным своему институту...

Больше года провел Конрад в ДПЗ (Доме предварительного заключения) на Шпалерной и лишь через год – 10 ноября 1939 г. был осужден по статье 58, п.1а – шпионаж в пользу Японии – на 5 лет исправительно-трудовых лагерей. "Измена Родине" – так квалифицировалась в понятиях Уголовного кодекса многолетняя работа ученого.

Конрад получил "всего" 5 лет... Значит ли это, что на него так и не удалось подготовить серьезных показаний и признаний или же сыграло свою роль то обстоятельство, что он находился под следствием в период "от Ежова к Берии", обусловившее сравнительную мягкость приговора?... Ответа пока нет.

Сразу после осуждения, 12 декабря 1939 г., в "вагзак" ученый был отправлен в лагерь в Красноярский край. Теперь местом его "работы" стала производственная зона Канского отдельного лагерного пункта №7 КРАСЛАГА НКВД СССР. Вспоминает его товарищ по лагерю Н.И.Воротынцев: «... Н[иколай] И[осифович]... ходил с нами в рабочую зону, на лесосклад. Сперва кору и сучья жег, потом стал понемногу втягиваться в более тяжелую работу. И пайку хлеба стали давать уже до 600–700 грамм. [...]

Я видел, как трудно Н[иколаю] И[осифовичу] ладить с рычагом-стежком в раскатке бревен. Ветви нашей узкоколейки часто давали сбои: мусором и снегом забивались

рельсы, да и сама "вертушка" – разминка далеко не всегда срабатывала. И я после согласования с бригадиром снял Н[иколая] И[осифовича] с раскатки и поставил его путевым рабочим на узкоколейку и "вертушку". [...] Однажды, лежа на нарах Н[иколай] И[осифович], отдохнувши после ужина, сказал: "А я хочу признаться, что работа путевого обходчика мне внутренне импонирует. Во-первых, я один. Никто не мешает поразмышлять. К тому же не слышу блатного жаргона. А во-вторых, и это главное, я с пешней, эмблемой трудового процесса, направленного на расчистку путей. И, как ни странно, пусть не покажется это суеверием, это не только внутренне импонирует мне сейчас, но интуитивно вселяет надежду, что цель моей жизни – Восток, Япония – будет закончена. Я с большой охотой тружусь на линии моей теперешней узкоколейки по азимуту Вост-Ост!"

Прошло некоторое время. Однажды ночью в наш лагерный барак пришел рассыльный из комендатуры, разбудил рядом спящего со мною на нарах Н[иколая] И[осифовича], приказал собраться с вещами и следовать за ним. [...] Слышно было, что по ходатайству В.Л.Комарова Н.И.Конрада из лагпункта "ОЛП" №7 в г.Канске перевели в спецбюро... для завершения работы по Японии»²².

Лагерный слух оказался верным. 20 апреля 1940 г. в связи с пересмотром дела Конрад был направлен в Москву, в Бутырскую тюрьму. О том, что происходило дальше, в каком "спецбюро" пришлось работать Н.И.Конраду, рассказывает уже частично цитированное выше его собственное письмо В.Л.Комарову, в то время президенту АН СССР: "[...] я был переведен в Москву, где сразу же, еще до окончания дела, получил возможность возобновить свою научную работу. [...] я сделал перевод и комментировал два классических китайских трактата по военному искусству, лежащие в основе всей теории и практики войны как в Китае, так и в Японии. Это – трактаты китайских стратегов – Сунь-цзы и У-цзы. Насколько мне известно, они изучаются, не говоря уже о Китае, во всех высших военных учебных заведениях Японии. Мне удалось дать не только широкий филологический и исторический комментарий, но и проиллюстрировать отдельные положения трактатов примерами из военной истории Китая и Японии. Думается, что знакомство с основами классической стратегии Востока может быть небесполезным и у нас. Размер этих работ – 35 и 15 п.л.

Наряду с этими готовыми работами я закончил вчерне историю японской литературы, подводящую итог моему университетскому курсу. Мне была предоставлена далее возможность вернуться к работе над японо-русским словарем, оборвавшейся в 1938 г. За это время я сделал следующее: систематически читая современную японскую газетную и журнальную прессу, я собрал весьма значительный материал по лексике 1939—1941 гг., весьма специфической в соответствии со спецификой исторической обстановки тех лет. Это даст возможность вооружить словарь словами новейшего происхождения, что я и намерен сделать вместе с просмотром того, что было сделано без меня"²³.

Добавим к этому, что в личном архиве Конрада сохранилась рукопись большого обзора истории китайской литературы – одной из первых значительных работ ученого в области синологии, написанная в июле–августе 1941 г. во внутренней тюрьме НКГБ на Лубянке²⁴.

Начало Великой Отечественной войны, угроза нападения со стороны Японии заставили власти вернуть многих японистов из мест заключения. Война фактически спасла их. Возвращавшиеся использовались как переводчики, а некоторые работали и в военной разведке.

Чудом выжившие люди, истосковавшиеся по любимой работе ученые, они с удвоенной энергией стремились помочь своей стране. Война разбросала их по всему Союзу, но к 1943–1944 гг. многие из тех, кто оказался в эвакуации, стали приезжать в Москву, где под председательством и руководством акад. И.Ю.Крачковского сформировалась московская группа Института востоковедения. Очень скоро, после отъезда Крачковского в Ленинград, ее возглавил Н.И.Конрад, официально числившийся профессором МИВ им. Нариманова. Группа постепенно становилась серьезным исследовательским центром, объединявшим по сути всех востоковедов, по тем или иным причинам находившихся в Москве.

Остался в Москве и Н.И.Конрад. Здесь он предпринимает энергичные попытки восстановить прежний высокий статус востоковедной науки: он – один из главных организаторов в первые послевоенные годы индийской, китайской, японской сессий Института востоковедения, имевших широкий резонанс среди научной общественности.

Однако нормальное развитие науки было вновь трагически прервано кампанией по борьбе с космополитизмом на рубеже 40–50-х годов. Академические институты один за другим принуждаются принимать воинственные резолюции, на практике выливающиеся в изгнание из научных учреждений многих неугодных и неудобных специалистов, в новую волну арестов и ссылок.

Не обошли они и востоковедов. Осенью 1950 г. акад. Крачковский вернувшись из отпуска, не обнаружил ни одного сотрудника своего Арабского сектора – все они были уволены в связи с реорганизацией института. Как и осенью 1947 г., после предпринятого им демарша – заявления с просьбой об отчислении и его из ИВАН – сотрудники были восстановлены в должностях, но 24 января 1951 г. И.Ю.Крачковский скончался. В мае того же года умер В.М.Алексеев. В Москве из Института востоковедения был уволен близкий друг Конрада, историк науки Т.И.Райнов. И подобных фактов было множество.

В такой ситуации поистине безумным выглядел поступок человека подозрительно-космополитичной фамилией Конрад, уже прошедшего лагерь и прекрасно знающего об арестах "повторников": на заседании бюро Отделения литературы и языка АН он осмелился возражать против увольнения из Пушкинского Дома выдающегося литературоведа В.М.Эйхенбаума; единственный из всего состава бюро!²⁵ Несколько позже, в 1955 г., Конрад предпринимает усилия помочь А.А.Ахматовой вызволить из лагеря ее сына, востоковеда Л.Н.Гумилева. Не дожидаясь освобождения, Конрад пытается привлечь Льва Николаевича к работе над многотомной "Всемирной историей". Как вспоминает Э.Г.Герштейн, "особенно горячо отнесся Конрад к Гумилеву, когда прочел его рукопись (20 листов) по истории Срединной Азии, которую Лев написал в лагере и ухитрился переслать мне в октябре 1955 года. Перепечатав на машинке, я отнесла Конраду. С какой нежностью он держал в руках, как будто взвешивал каждую, четыре красивые папки, в которые я вложила рукопись!"²⁶.

Память об ушедших учителях, погибших друзьях и коллегах, помощь тем из них, кому удалось выжить, пройдя сквозь ад сталинских тюрем лагерей, материализовалась в жизни Николая Иосифовича Конрада в многолетний, каждодневный труд по изданию самого ценного для ученого – их научного наследия. Пожалуй, трудно назвать другое имя академика, столь же много сделавшего в этой области в 50–60-е годы! "Я ждал 8 лет, пока добился издания посмертных трудов двух своих погибших товарищей, но дождался..." – писал он в одном из писем 1961 г. о "Тангутской филологии" Н.А.Невского (М., 1960) и «Китайской классической "Книге перемен"» Ю.К.Щуцкого (М., 1961)²⁷. Позже при его активнейшем содействии вышли труды М.М.Бахтина и Я.Голосовкера, Е.Д.Поливанова и Ф.И.Щербатского.

При всей признанности научных заслуг, в 1958 г. Конрад был избран академиком АН СССР, его положение в науке в те и последующие годы оказалось весьма своеобразным. В отличие от множества "коллег", регулярно совершавших "пересмотры" своих взглядов в полном соответствии с очередным Постановлением ЦК или "мнением тов. Сталина", Конрад, как правило, занимал свою позицию. Она могла совпадать с господствовавшей точкой зрения, но только в том случае, если была искренним убеждением ученого. Так было, например, с вопросом о замене иероглифической японской письменности на латиницу – ученый долгое время являлся сторонником подобной меры. В то же время в его работах не найти славословий в адрес акад. Н.Я.Марра и его яфетической теории, наподобие эпидемии захвативших журналы, статьи, монографии и на долгие годы задержавших развитие отечественного языкознания; расходясь по целому ряду проблем с выдающимся лингвистом Е.Д.Поливановым, Конрад, тем не менее, не убрал его имени в своих трудах после ареста Поливанова в 1937 г.²⁸ И такие примеры не единичны.

В 50–60-е годы ученый все чаще и чаще возвращается к анализу вопросов общеисторического характера, в центре которого оказывается "проблема эквивалентности разных – языковых, письменных, культурно-исторических – способов выражения одной и той же идеи" (Вяч.Вс.Иванов)²⁹. Пройдя большой и нелегкий путь в востоковедении, он как бы на новом уровне понимания вернулся к сюжетам, занимавшим его еще в молодости. На материалах истории Востока (прежде всего Японии и Китая) и Запада (в основном Западной Европы) Конрад стремился наметить общую схему исторического процесса в древности и средневековье; в русле такого подхода он выдвигает концепцию "восточного Ренессанса", высказывая мысль о том, что понятие "Ренессанса" как явления мирового, закономерного для истории больших культурных народов, может быть рассмотрено и применительно к истории Востока. Дискуссионная постановка проблемы буквально взбудоражила гуманитарное сообщество, и это было едва ли не важнейшим ее следствием. "Спровоцировав" публичный интерес и внимание к историко-культурологическому, философскому осмыслению всемирной истории, Конрад тем самым смело принял на себя "огонь" как позитивной критики, так и ожесточенного неприятия. Примат общечеловеческих ценностей, их абсолютное первенство в системе духовных приоритетов общества, открыто исповедовавшиеся и защищавшиеся ученым, не могли не вызвать недовольства многих "сильных мира сего", остававшихся на ключевых постах слегка "оттаявшего" общества. Статьи Конрада (академика!), посвященные проблемам единства человечества, неоднократно отклонялись. В лучшем случае его считали "чудаком", "романтиком" из прошлого века; в худшем – доходило до откровенного злобствования: в 1969 г., когда Конрад, первым из советских ученых, был удостоен японского ордена Восходящего Солнца, нашлось немало "коллег", сопроводивших награждение только одной репликой: "Пусть будет благодарен, что сейчас не 1937 год!"

В то же время статьи Конрада, собранные в книгу "Запад и Восток", его размышления над смыслом истории, привлекли внимание выдающегося английского историка А.Дж.Тойнби, который в 1967 г. откликнулся на эту книгу большим письмом, послужившим началом трехлетнего эпистолярного диалога ученых³⁰. Письмо Тойнби и ответ на него Конрада имели широкий, но опять-таки неоднозначный, общественный резонанс. «Неоднозначность проявилась уже в редакции журнала "Новый мир", где собирались опубликовать письма: "Среди членов редакции было несколько человек, категорически возражавших против опубликования и письма (оно, ведь, исходит от историка, единодушно осужденного нашей исторической наукой) и ответа – особенно ответа! Вот, например, одно из возражений. В конце я пишу, что "мы достигаем того единства человечества, о котором говорили Вы, о котором в своей книге говорю я...". На моей рукописи, которую мне показали после прочтения ее рецензентом, против этого места была гневная приписка: "А на какой основе мыслится автором это единство?"

Вместо того, чтобы противопоставить нашу концепцию единства реакционной концепции английского буржуазного историка, автор идет на соглашение с ним"» (из письма Б.Б.Вахтину)³¹.

Подобного рода резолюции не могли удивить Конрада, но, безусловно, оставляли в душе горечь и боль непонимания: «Я устал сражаться не с аргументами "против", не с противопоставляемыми концепциями, а... с пустыми безжизненными глазами, в которые и погрузиться нельзя» (из письма Б.Б.Вахтину)³².

Очень сдержанный, корректный, даже замкнутый человек, Конрад только в письмах к своему любимому ученику, писателю и ученому, будущему участнику альманаха "Метрополь" Борису Борисовичу Вахтину приоткрывал завесу над своими чувствами: «Больше всего меня сейчас раздражает – невежество – причем самоуверенное, непробиваемое. Невежество научное. Да и даже просто – образовательное. Хорошо хоть то, что мне приходится иметь дело с цветом молодежи (относительно, конечно) на фронте литературоведения, искусствознания и философии: это меня очень поддерживает духовно. Да и несказанно радуется такая вещь, как, например, поступивший ко мне новый перевод "Исповеди" бл. Августина, перевод поразительный по проникновенности и литературному мастерству... Буду пытаться его издать в серии "Литературных памятников". Хотя и знаю все трудности этого дела. Если Вы будете в Москве, покажу Вам; пока этот перевод известен только двум: переводчице (ей 75 лет, она – ученейший античник) и мне. Словом, в "Содоме" есть праведники, ради которых Господь терпит и сам "Содом"» (из письма Б.Б.Вахтину)³³.

Издания этой книги Конрад не дождался – он скончался 30 сентября 1970 г. Драматизм и трагичность эпохи глубоко отразились на его судьбе, но не сломали, не ожесточили сердце Конрада, видевшего свой главный долг в сохранении традиций, преемственности, неразрывности связей научного сообщества.

Кто-то сказал о Пастернаке: "Он не был создан для того, чтобы враждовать с миром. Он всегда хотел с ним примириться..." Как нельзя лучше эти слова относятся и к академику Конраду. Он не был бунтарем и ниспровергателем, но в 50–60-е годы имел смелость высказывать мысли и идеи, мало совместимые с традиционным истматом, и тем самым открыто противостоять косной академической среде. "Диалог культур" был для ученого не только диалогом разных цивилизаций. Востока и Запада, но имел и большой внутренний смысл, утверждая единство отечественной культуры.

"Ужасы и кровь не могут быть оправданы, – писал Конрад, – они только могут быть искуплены. Сейчас я, пожалуй, добавил бы: ...или прощены. Конечно, теми, кто имеет право прощать и внутреннюю силу прощать. Вспомнил бы и слова Февронии в "Китеже": "Всякий грех простится, а который не простится, тот забудется"³⁴. Слова эти, сказанные более двадцати лет назад, особенно пронзительно звучат сегодня – в эпоху обретения нового общественного сознания, краеугольным камнем которого должен стать Гуманизм.

"Такие люди, как Николай Иосифович, важны для нас – как образец важны, и не частностями только, а самой сутью, той – в глазах многих – старомодной сутью, в основе которой любовь к человеку и вера в него... Он был из тех людей, самый тип которых почти совершенно исчез, а возродится ли когда – неведомо"³⁵.

* * *

Точка в этой статье была поставлена в сентябре 1991 г., когда в Архив АН СССР пришло письмо из Управления КГБ по Ленинграду, в нем говорилось: "По заключению прокурора г. Ленинграда от 19 сентября 1991 г. Конрад Николай Иосифович реабилитирован по ст. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 16 января 1989 г. "О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в период 30–40-х и начала 50-х годов".

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Архив РАН. Ф. 277. Оп. 4. Д. 776. Л. 2
2. Личный архив Б.Б.Вахтина. Приношу самую искреннюю признательность И.В.Вахтиной за возможность познакомиться и использовать материалы архива Б.Б.Вахтина.
3. Об Азиатском музее см.: Азиатский музей – Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР. М., 1972.
4. *Иванов Вяч.Вс.* В поисках утраченного... // Наше наследие. 1989. № 1. С. 4.
5. О Н.И.Конраде см.: *Алпатов В.М.* Николай Иосифович Конрад: К столетию со дня рождения // Восток. 1991. №2; *Он же.* Три япониста // Знание-сила. 1992. № 1; *Милицанд С.Д.* Библиографический словарь советских востоковедов. М., 1977. С. 268–271, 660, 713 (здесь же список литературы о нем); новейшая библиография: Н.И. Конрад / Сост. Р.И. Кузменко. М., 1994 (Материалы к биобиблиографии ученых; Вып. 20); Письма академика Н.И. Конрада / Предисл. и коммент. В.М. Алпатова, М.Ю. Сорокиной; Подгот. текста М.Ю.Сорокиной // Изв. РАН. Сер. лит. и яз. 1992. № 6; Проблемы истории и теории мировой культуры. М., 1974; *Саран А.Ю.* Н.И. Конрад в Орле // Орловщина: время и время реформ. Орел, 1992.
6. Личный архив Н.И. Конрада хранится в Архиве РАН (Ф. 1675).
7. Впервые эту мысль высказал чл.-кор. АН СССР Н.И.Балашов на вечере во Всесоюзной государственной библиотеке иностранной литературы, посвященном 100-летию со дня рождения Н.И.Конрада.
8. *Конрад Н.И.* Когда и как я стал востоковедом // Народы Азии и Африки. 1967. №5. С.238–239.
9. Там же. С.240.
10. *Ходасевич В.* Колеблемый треножник // Знамя. 1989. №3. С.197.
11. *Biblia: Bulletin of the Tenri Central Library.* 1974. March. N 56. P.78.
12. *Ibid.* P.86.
13. *Ibid.* P.78.

14. См.: М.М.Бахтин и М.И.Каган: По материалам семейного архива / Публ. К. Невельской // Память: Ист. сб. М., 1979 – Paris, 1981. Вып.4. С.249–282.
15. *Филитов Б.* Всплывшее в памяти. London, 1990. С.143–144.
16. Документ находится в архиве Л.Б.Троцкого в Гарвардском университете США. В России опублик. в журнале "Родина" (1990. №10. С.12–13).
17. Государственный архив Российской Федерации (прежде: ЦГАОР). Ф.7668. Оп.1. Д.225. Л.5.
18. Там же. Д.218. Л.34.
19. Библиография Востока. М.; Л., 1936. Вып.8/9. С.139.
20. Список репрессированных востоковедов см.: Народы Азии и Африки. 1990. №4, 5.
21. Архив РАН. Ф.518. Оп.2. Д.17. Л.7об.
22. Текст записи находится в личном архиве д-ра филол. наук В.М.Алпатова. Приношу ему искреннюю благодарность за возможность публикации ее фрагмента.
23. Архив РАН. Оп.277. Оп.4. Д.776. Л.2–3.
24. Там же. Ф.1675. Оп.1. Д.10.
25. Там же. Ф.456. Оп.1. Д.241. Л.44–51.
26. *Герштейн Э.* Мемуары и факты: Об освобождении Льва Гумилева // Горизонт. 1989. №6. С.60.
27. Российская государственная библиотека (прежде: ГБЛ). Ф.441. Карт.15. Д.51. Л.36.
28. *Алпатов В.М.* Изучение японского языка в России и СССР. М., 1988. С.83–98.
29. *Иванов Вяч.Вс.* Памяти Николая Иосифовича Конрада // Учен. зап. Тарт. ун-та. 1973. Вып. 313. Труды по востоковедению. II, 2. С.497.
30. Новый мир. 1967. №7. С.174–185.
31. Личный архив Б.Б.Вахтина.
32. Там же.
33. Там же.
34. Там же.
35. Архив РАН. Ф.1675. Оп.1. Д.277. Л.1.